

— Ба... Ваше Величество, — Сюй Цзе, который еще минуту назад стоял с выпрямленной шеей и невероятно гордым видом, при виде внезапного вмешательства императора начал откровенно паниковать.

— Как ты думаешь, как лучше поступить с этим делом? — Ю Цун размышлял над тем, что никак нельзя просто выломать пару сидений в пассажирских омнибусах, чтобы освободить место под грузы.

Дороги впереди определенно будут ухабистыми и тряскими, так что это крайне неудобно.

— По мнению вашего слуги, это отличная возможность, — Сюй Цзе принял из рук Хуан Цзиня пиалу с горячим чаем, донельзя смущенно произнес «благодарю» и заговорил снова: — Среди столичных простолюдинов много тех, у кого есть силы, но нет работы. Было бы неплохо даровать им от императорского трона повозки и лошадей, специально для перевозки грузов и снования туда-сюда.

Ю Цун грыз половину груши и с некоторым опозданием уловил суть его слов.

Одно дело — перевозить людей, и совсем другое — грузы.

Перевозка людей — это государственная льгота, с нее выручаются разве что деньги на конский корм.

Но если заняться перевозками грузов, это может перерасти в крупный рынок труда.

Стоит лишь сдавать в наем лошадей и экипажи, как тут же найдется множество крепких мужчин, желающих заработать на жизнь погрузкой и разгрузкой товаров.

Вещи можно будет доставлять повозка за повозкой и складировать в отдельно арендованных амбарах. Торговцам больше не придется таскать с собой хоть что-то — они смогут приходить на рассвете и уходить с закатом.

— Выходит, на Южной окраине нужно еще и ряд складов обустроить? — Ю Цун сообразил что к чему и нахмурился: — А я ведь чуть не упустил из виду этот момент.

— Если Ваше Величество считает эту затею стоящей, следует также выжечь на крупах лошадей единое императорское клеймо, чтобы помешать злоумышленникам придумать какие-нибудь мошеннические схемы легкой наживы.

Клейменные казенные лошади смогут передвигаться только по установленным маршрутам. Если же такие лошади будут обнаружены в любом другом месте, это будет расцениваться как кража.

— Ступай сейчас же к господину Чжао, пусть он переработает чертежи и заодно подумает, где именно в столице открыть рынок труда, — мысленно Ю Цун порадовался, что Сюй Цзе подкинул эту мысль, иначе обнаружись проблемы уже после запуска перевозок — пришлось бы расхлебывать невесть сколько хлопот.

— Но, Ваше Величество... — с заминкой произнес Сюй Цзе. — Министр Чжао мне едва ли поверит.

Ах да, ты ведь пока всего лишь ректор.

Должность ректора, если можно так выразиться, примерно соответствует посту ректора национального университета.

Хотя для простого человека забраться на такую высоту — все равно что увидеть фейерверк на могилах предков, величайшая благодать.

И титул громкий, и поживиться есть чем, и толпы льстецов вокруг.

Но Ю Цун прекрасно понимал, что этот чин четвертого младшего ранга совершенно не позволяет Сюй Цзе прикоснуться к реальной власти.

Ему нужно пробиться гораздо ближе к центру.

— Позже я переведу тебя в Министерство общественных работ, однако сегодня, боюсь, уже не успеем, — Ю Цун изначально собирался набросать для него проект указа, но сам-то он до сих пор не умел писать заковыристые официальные иероглифы...

— Так, ректор Сюй, вытяни-ка правую руку вперед.

Сюй Цзе на мгновение остолбенел, растерянно закатал рукав и обнажил белоснежное предплечье.

Ю Цун вытащил нефритовую печать, обмакнул ее в киноварь, повернулся, перехватил запястье Сюй Цзе и шлепнул штамп прямо ему на тыльную сторону ладони.

Сюй Цзе: «.....»

— Все, ступай с этой печатью к господину Чжао, — Ю Цун бросил взгляд на четкость оттиска и остался доволен: — Управишься пораньше — сможешь вздремнуть еще часок-другой.

Сюй Цзе сложным взглядом окинул багровый оттиск на руке и с сомнительным выражением

лица отозвался:

— Слушаюсь.

Император есть император, тут не поспоришь.

А вот Чжао Хуан уже храпел так, что стены дрожали. Младший слуга, проявляя стовосьмидесятипроцентную осторожность, все же растолкал старого господина.

— Чт... что такое? — Чжао Хуан поперхнулся собственным храпом и густо закашлялся, после чего в полусонном раздражении бросил: — Сколько я проспал? Уже пора на утренний доклад?

— Господин, — слуга понизил голос. — Из императорского дворца посланники прибыли, хотят поговорить с вами о деле.

— Что? Император? — Чжао Хуан замер, а затем единым рыжком соскочил с постели: — Чего стоите! Живо помогите мне одеться!

Сюй Цзе уже проводили в главную приемную, полы его одежд еще хранили ледяное дыхание инея и росы.

На дворе стояла середина декабря, и ночной холод казался способным пронзить насквозь тяжелые ткани, добираясь до самых костей и заставляя их зловеще стынуть.

— Вы кто? — Чжао Хуан размашистым шагом вошел в гостиную и, заметив незнакомое молодое лицо, с удивлением спросил: — Вас прислал император?

Сюй Цзе от холода слегка онемел, но всё же поднялся, отвесил поклон, предъявил печать на тыльной стороне ладони и кратко изложил цель своего визита.

Едва услышав его сбивчивый доклад в пару слов, Чжао Хуан мгновенно понял, почему дело не терпит отлагательств.

Раз уж повозки и рынок находятся в зачаточном состоянии, то вносить изменения и переделывать всё по новой концепции нужно как можно раньше.

Если же дожидаться окончания малярных работ и только потом менять планировку, вряд ли это будет так легко.

— Склады? — Чжао Хуан окинул взглядом молодого человека с покрасневшим от мороза лицом и велел слугам принести ему пиалу горячего чая, а в жаровню подбросить побольше

серебряного угля.

Поколебавшись немного, он осведомился:

— В каком из шести министерств вы служите? Почему я раньше вас здесь не видел?

— Докладываю господину министру, — собравшись с духом, ответил Сюй Цзе. — Сюй Цзе занимает должность ректора в Гоцзицзяне.

Услышав этот титул, Чжао Хуан на мгновение остолбенел.

Надо же, Сюй Цзе сидит на столь лакомом месте, с какой стати ему вдруг волновать дела Министерства общественных работ?

Словно угадав его мысли, Сюй Цзе лишь почтительно сложил руки:

— Ваше Величество изволил заявить, что реальный сектор укрепляет государство, поэтому ваш слуга позволил себе проявить дерзость. Надеюсь на снисхождение господина министра.

Пусть Сюй Цзе и был молод, он уже пять лет крутился при дворовых ведомствах и прекрасно понимал: поступая так, он перешагивает через чужие полномочия и вмешивается в дела другого ведомства. Но без подобных переделок состыковать казенные экипажи с рынком не удастся, а значит, и грандиозным замыслам императора не суждено претвориться в жизнь.

Чжао Хуан задумчиво помолчал, затем поднялся, прошел в кабинет и принес оттуда свиток с чертежами.

— Рассказывай, что еще велел император?

Стоило обоим завести разговор, как за беседой пролетело время от глубокой ночи до самого утреннего выхода к престолу.

Сюй Цзе обладал острым умом и в любом деле учитывал взаимовлияние мельчайших деталей, продумывая всё до последней мелочи. Чжао Хуан же мыслил более масштабно и стратегически, но при этом умел прислушиваться к чужому мнению, мастерски подмечая пробелы и то, что требовало доработки.

Они сошлись с первой же минуты, и чем дальше шла беседа, тем больше озарений она им приносила.

Когда небо только начало сереть, Хуан Цзинь тихонько разбудил императора.

— Мм? Пора на утренний доклад?

Если бы не роскошные палаты, насквозь прогретые теплом, он бы ни за что не вылез из-под этого парчового одеяла.

— Ваше Величество, сегодня выпал снег, извольте проявить крайнюю осторожность в пути, — с угодливой улыбкой предупредил Хуан Цзинь.

Ю Цун прекрасно знал, что как внутри дворца, так и за его пределами все дорожки, по которым ему гипотетически предстояло ступать, кто-нибудь обязательно будет дотошно очищать от наледи и снега — из страха проявить недостаточно усердия.

И тем не менее евнух Хуан невероятно трепетал, опасаясь хоть в чем-то недоглядеть.

А ведь жизнь императора... и вправду чертовски хороша.

Пока подавали завтрак, Хуан Цзинь, заглядывая в лицо правителю, осторожно заикнулся:

— Ваше Величество, старый слуга слышал, что те самые господин Янь и господин Ван должны прибыть в столицу как раз сегодня.

Ю Цун как раз откусил кусочек масляной лепешки и, проглотив его, радостно произнес:

— Передай им, чтобы не утруждали себя лишними церемониями. Как прибудут — пусть сразу идут в теплую пристройку во Дворце Небесной Чистоты и ждут меня там. Вернусь с утреннего доклада — увижусь с ними.

Янь Шэнь, Ван Шоужэнь, а заодно и этот Сюй Вэй, чье точное местонахождение сейчас было покрыто мраком — все они являлись редчайшими универсальными талантами той эпохи.

Ю Цун за плечами имел аспирантуру, так что прекрасно понимал натуру подобных гениев.

В этом мире хватает литераторов-романтиков, которые способны выдавать изящные стихи, вдохновляясь дарованной небесами словесной красотой, но заставь их решать задачи по высшей математике или химии — и они тут же расплачутся.

У столь же умных людей, как эти трое, любые концепции в голове удивительным образом переплетались между собой.

То ли врожденный дар, то ли запредельный уровень интеллекта — они не просто великолепно разбирались в поэзии и достигали высот в искусстве, стоило им переключиться на военные

трактаты и стратегии, как они мгновенно превращались в искусных полководцев, способных вести армии за собой.

В истории и Янь Шэнь, и Ван Шоужэнь выигрывали сражения против превосходящих сил противника, и оба оставили после себя бессмертные поэтические строки и трактаты — поистине демонический талант.

Если удастся привлечь столь выдающихся мужей на помощь в развитии промышленности и сельского хозяйства, это, пожалуй, принесет неисчислимые сюрпризы.

При этой мысли Ю Цун даже за чашкой каши не мог сдержать улыбку.

Он отер уголки рта шелковым платком и повернулся с вопросом:

— Кстати, сколько нынче лет этим двоим?

Хуан Цзинь не слишком хорошо разбирался в чиновниках, которые раньше не пользовались особым фавором, и на миг растерялся:

— Старый слуга... не ведает.

Стоявший неподалеку Лу Бин вдруг подал голос:

— Припоминаю, что господину Вану около пятидесяти, а господину Яню, должно быть, около сорока.

Евнух Хуан слегка остолбенел, немало удивившись тому, что Лу Бин назвал себя просто «я».

Он смутно помнил, что когда Лу Бин только попал во дворец, они с юным императором были неразлей вода, словно родные братья, но потом по какой-то причине мало-помалу отдалились.

И вот теперь... они снова сошлись так тесно?

— Возраст господина Вана уже солидный, — Ю Цун не заметил странного взгляда евнуха и взмахнул рукой: — Как только те двое прибудут, сперва отправьте к ним лекарей из Императорской врачебной палаты для осмотра. Впредь пусть каждый месяц справляются об их здоровье и выписывают самые лучшие укрепляющие отвары. Усвоил?

Евнух Хуан опомнился и торопливо отдал должное.

Ю Цун поднял с тарелки очищенное голубиное яйцо и принялся неспешно обдумывать новые

идеи.

Чжан Цун, Янь Шэнь, Ся Янь — все они неумолимо двигались от зрелости к закату жизни.

О масштабном процветании страны сейчас говорить не приходится — сначала нужно поднять экономику, и лишь затем двигаться в сторону превращения в военно-промышленную державу.

Вам, старикам, придется прожить ради меня еще не один десяток лет.

— Лу Бин, ты знаешь об Играх пяти зверей?

Лу Бин замер и, потупив взор, ответил:

— Ваш слуга не слышал о таком.

Император проглотил последнее голубиное яйцо и неторопливо произнес:

— Раз не знаешь — иди и учись. До наступления полудня должен освоить.

Самое время запускать всеобщий тренд на физическую активность и фитнес.

Император бросил эти слова, взмахнул рукавом и отправился на утренний доклад, оставив господина Лу стоять на месте в полном оцепенении и лихорадочных раздумьях.

Он воспринимал императора как собственного брата и боевого товарища, готовый без колебаний сложить голову по первому приказу.

Но что за «представление» такое — эти Игры пяти зверей?

Во Дворце Чяньцин царила тишина, никто из евнухов и слуг не смел перешептываться меж собой, слышался лишь мерный шаг погруженного в думы господина Лу.

Поразмыслив так и эдак, он в конце концов направился в ведомство Цзиньвей.

Нынешний командир отряда Лу оставался мелким чином низшего ранга, однако теперь каждый в их рядах прекрасно понимал: этот господин Лу попал в новую милость к императору, день напролет крутится подле Сына Неба, и его вес при дворе вполне может превосходить влияние сановников третьего ранга.

Так что, стоило Лу Бину переступить порог ведомства, как чиновники всех мастей толпой

бросились к нему с расспросами и любезностями — никто не хотел ударить в грязь лицом в усердии угодить.

Лу Бин, разумеется, отлично видел, что у этих людей на уме, но лишь небрежно отмахнулся от них, а затем осторожно осведомился:

— Господа, не доводилось ли кому слышать, что за вещь такая — Игры пяти зверей?

Окружающие переглянулись, и один из чиновников постарше хлопнул ладонью по столу и с напускной удалью заявил:

— Мы тут все люди темные, грамоте не обученные. Почему бы господину Лу не навеститься в Гоцзицзянь к местным ученым мужам?

Лу Бин немного подумал, кивнул и напрямик вышел из ведомства.

— И впрямь в фаворе наш господин Лу, — с завистью выдохнул мелкий чиновник. — Захотел — в ведомство пришел, захотел — ушел, и ничуть не боится наступить на хвост начальству. С прямой спиной и ходить иначе!

— Да что ты понимаешь, шеф ведь лично чай Лу Бину подносил, — старший по возрасту дядька отвесил ему увесистый подзатыльник. — Впредь господин Лу пойдет в гору почище остальных — еще вспомнишь мои слова!

Утренний доклад сегодня пролетел на удивление быстро, во многом благодаря милосердному и сострадательному нраву самого императора.

Поскольку руки его согревали жаровни с углем, самого его бросало в жар.

Стоило возвыситься трону, как императорский эскорт и почетный караул выстроились по струнке, в полном составе сопровождая правителя в морозном великолепии высокого зала под звуки докладов.

А вот сотни чиновников за пределами главного зала так и простояли на продуваемой всеми ветрами площади, где кружил ленивый снежок, то и дело норовя залететь за воротник какому-нибудь бедолаге.

Эффективность подобных совещаний была донельзя низкой.

Ударив морозы чуть сильнее, министры вполне могли замерзнуть и слечь с простудой — и кто тогда останется пахать на благо государства?

Желая как можно скорее свернуть утреннее заседание, Ю Цун бросил пару слов Хуан Цзиню. Тот был человеком безумно прозорливым и тут же принялся подгонять чиновников Канцелярии по делам дипломатов, велел им ускорить церемониал.

К счастью, докладчиков сегодня и впрямь оказалось немного, так что управиться удалось меньше чем за час.

В этот момент Ю Цун до умопомрачения затосковал по просторным и теплым конференц-залам в прежних офисных центрах.

Разве нужно было сгонять туда всю компанию? Присутствия дюжины топ-менеджеров вполне хватало бы.

Надо менять, это непременно нужно менять!

Каждодневные сборы на службу больше смахивали на церемонию основания государства — чистейшая трата времени.

Лу Бин собирался заглянуть в Гоцзицзянь, но во время обхода внутренних дозорных постов в теплой пристройке вновь столкнулся с до боли знакомым лицом — Сюй Цзе.

— Господин Сюй, — он церемонно поклонился, мысленно удивившись: разве сейчас не время утреннего доклада, почему господин Сюй явился сюда раньше срока?

Сюй Цзе прижимал к груди два свитка, нос и щеки его порозовели от мороза, но на лице сияла улыбка:

— Доброго утра, господин Лу.

— Боюсь, придется немного подождать, — Лу Бин не мастер был вести светские беседы, но, вспомнив утренний наказ императора, осторожно поинтересовался: — Не подскажет ли господин Сюй, что такое Игры пяти зверей?

— Игры пяти зверей? — Сюй Цзе моргнул и непринужденно ответил: — Как писал поэт Лу Ю: «Клюю и глотаю, смеюсь сам с собой, точно дикий журавль, разве может иное сравнить с пятью зверями искусство взращивания ци?» Говорят, это гимнастика, переданная самим божественным лекарем Хуа То.

— Хуа То? — Лу Бин растерянно захлопал глазами. — И для чего она нужна?

— Те самые пять зверей — это медведь, журавль, тигр, олень и обезьяна, — пояснил Сюй Цзе. — Подражая движениям и повадкам этих пяти животных, можно разогнать кровь по жилам и

продлить жизнь.

— Выходит... император счел меня слишком слабым и хрупким и велел заняться укреплением сухожилий?

Господин Лу машинально опустил взгляд на тугие бугры мышц на собственных руках и погрузился в глубокие размышления.

— Если господин Лу так интересуется, может запросто обучиться этому в Императорской врачебной палате. — Пока Сюй Цзе говорил, он издалека заметил у окна знакомый нефритовый паланкин, поспешно откланялся и умчался бегом.

Тем временем Ю Цун все еще всматривался в покрытый крупцами снега Запретный город, испытывая странное ощущение, будто он участвует в съемках исторической дорамы.

Здесь всюду виднелись белые ступенчатые террасы и алые стены, и даже самую малость припорошенные снегом звериные фигурки на коньках крыш источали невыразимое очарование.

Стоявший на страже евнух Хуан внезапно замер и вполголоса произнес:

— Ваше Величество...

Ю Цун с рассеянным видом повернул голову, откинул занавеску и заметил бегущего к ним Сюй Цзе.

Облаченный в чиновничье платье, он двигался с трудом, но выражение его лица было до крайности взволнованным — казалось, он спешит сообщить нечто важнейшее.

Дорожки в этот снежный день скользкие донельзя, господин Сюй, поосторожнее бы вам.

Не успел император вымолвить и слова, как всё ближе подбравшийся к ним Сюй Цзе вдруг поскользнулся и во весь рост плашмя рухнул прямо перед нефритовым паланкином.

Зажатые в его руках свитки взмыли в воздух, но Ю Цун не растерялся и ловко поймал их на лету.

— Оставьте эти церемонии, — изогнув брови, холодно бросил Ю Цун. — Вы что ж, покушение на императора замышляете, господин Сюй?

Сюй Цзе с лицом, сплошь покрытым снегом, кое-как поднялся, испуганно отвесил новый

поклон и принялся сбивчиво молить о прощении.

Ю Цун потянулся, передал свитки подоспевшему евнуху Хуану, не спеша вылез из паланкина и помог ему стряхнуть снежные крошки с одежд:

— Не спал всю ночь напролет?

Сюй Цзе кивнул, небрежно смахнув с лица снежинки, и глаза его ярко засияли:

— Мы беседовали с господином Чжао до самого часа тигра.

Страхивая снег, Ю Цун вдруг заметил, что Сюй Цзе одет слишком уж легко, и без раздумий скинул собственную меховую накидку с заячьей опушкой, набросив ее прямо ему на плечи.

Хуан Цзинь сбоку вытаращил глаза от удивления, но не смел издать ни звука.

Сюй Цзе, собиравшийся выложить государю весь свой ворох соображений и планов, опешил, когда этот стройный мужчина приблизился и укутал его в свою мантию.

Нет... погодите, не надо так!

Сюй Цзе проглотил все слова и застыл на месте.

Он и сам знал, что император прост в общении и ценит таланты, но череда недавних событий казалась ему чистой воды сновидением.

— Ладно, пошли, дорогой расскажешь.

— Ваш слуга совместно с министром Чжао пересмотрел и оптимизировал маршруты по столице — после доработки чертежей казенных повозок мы сможем нанести новые узоры раскраски, а затем разослать их в ближайшие три провинции и развернуть общественную транспортную систему, о которой говорил Ваше Величество!

Ю Цун шел с ним плечом к плечу, слушая с огромным восторгом:

— Продолжай.

Идея Сюй Цзе и впрямь оказалась поразительно жизнеспособной.

Сперва пустить лучи от столицы к четырем окрестным уездам, а окрепнув — распространить

сеть на три близлежащие провинции.

Если отдача окажется высокой, то лет через десять можно будет озолотить всю страну!

— Если Ваше Величество не спешит пополнять казну, можно пускать доходы от перевозок обратно на ремонт дорог. Тогда возникнет здоровый круговорот, и любые поездки станут чрезвычайно удобными.

Финансировать развитие транспорта за счет самих транспортных доходов — поистине блестящий ход.

— К тому же, — Сюй Цзе бережно извлек из рук евнуха Хуана второй свиток и прижал его к груди. — Мы с министром Чжао подумали: если слегка изменить конструкцию этой повозки, ее можно использовать как боевую колесницу для переброски войск. Восемь коней на сорок человек — это колоссально повысит скорость передвижения армии.

Ю Цун хлопнул в ладоши и одобритительно кивнул:

— Отлично! Сперва вымостите камнем восемь главных улиц в столице Пекине, да покрепче, а после не забудьте напомнить мне про экспансию в три провинции!

Чжан Цун стремительно приближался издалека, но, разглядев светло-желтый силуэт, внезапно замер и резко остановился.

Он прищурил слезящиеся от старости глаза и отчетливо увидел, кто именно стоит рядом с императором и непринужденно беседует с ним.

— Сюй... Цзе?

В следующее мгновение в глазах добродушного старика промелькнул злобещий хищный огонек.

<http://bllate.org/book/20063/1984652>